

БИЗНЕС-СООБЩЕСТВО КАК БАСЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛИТВЫ¹

В.А. Смирнов

Распад Советского Союза наряду со значительным «вымыванием» представителей номенклатуры из властных групп запустил процесс масштабной структурной перестройки правящих кругов, включающей в себя смену каналов и механизмов элитного рекрутирования. Если в первые годы провозглашения независимости на лидирующих позициях оказались «политики морали»² (выходцы из сферы культуры, науки, искусства), которые в случае балтийских республик были, по сути, народными трибунами, стоявшими у руля народных фронтов, то впоследствии от принятия ключевых политических решений они были оттеснены — более востребованным бассейном рекрутирования политической элиты оказалось бизнес-сообщество.

Традиционным подходом к рассмотрению вопроса о роли бизнеса во властных структурах является модель трансформации «аппаратчиков» в миллионеры³, основывающаяся на классической концепции конвертации капиталов П. Бурдьё: «аппаратный» (политико-административный) вес в советский период конвертируется в финансовые ресурсы в условиях Нового времени. Данный тезис свое обоснование нашел, в частности, в работах венгерского ученого Э. Ханкисса⁴ и польской исследовательницы Я. Станишкис⁵.

Они отрицали наличие глубоких структурных изменений в составе правящих элит, рассматривая в качестве базисного тезис о «превращении власти»: члены коммунистической номенклату-

ры осмысленно пошли на смену режима, конвертировав свой политический капитал в ресурсы частной собственности. Ученые пришли к выводу, что значительной циркуляции элит в регионе Центральной и Восточной Европы не произошло. Структурные перестановки имели место лишь в рамках сообщества лиц, уже обладавших значительной властью на момент начала политических реформ.

Так, Э. Ханкисс полагал, что правящая элита оставалась практически не затронута кардинальной трансформацией общества. На вершине политической пирамиды менялись лишь принципы легитимации, что позволило членам номенклатуры конвертировать политическое влияние в экономические ресурсы и тем самым удержаться во власти. Э. Ханкисс использовал понятие «большой коалиции», чтобы описать слияние высшего звена политиков, управленцев и собственников, которые сумели сохранить за собой власть в изменившемся обществе.

Особая роль бизнеса в процессе принятия политических решений не принималась исследователями единодушно. Если Ч. Линдблом указывал именно на привилегированное положение бизнеса, от действий которого зависит прочность власти элитных групп⁶, то, например, Д. Вогель утверждал, что бизнес не может считаться уникально привилегированной группой, так как «в природе, масштабе или величине власти, которой он обладает, нет ничего такого, чего нельзя

было бы учесть в рамках искусственной политики групп интересов»⁷.

Однако в то же время бизнес не может быть назван просто «одной из» групп интересов. Набор возможностей, которыми он обладает в силу доступных финансовых и материальных ресурсов, выделяет бизнес из общего ряда лоббистских структур, позволяя усматривать здесь то, что Д. Тев именуется специфической формой контроля над политикой, которая сочетает в себе как признаки «правления предвиденных реакций», так и структурной детерминации. Д. Тев утверждает, что теория структурной власти (в отличие от основных выводов плюралистического подхода) показывает: бизнес занимает особое, «привилегированное положение» в политике с точки зрения степени и способов влияния. Вместе с тем необходимо учитывать предостережение плюралистов о возможности ошибочного, необоснованного приписывания субъекту потенциальной власти⁸.

При рассмотрении литовского случая предлагается использовать идею М. Юсима о «внутреннем круге власти»⁹, социальном клубе высшего уровня. В этом круге первые лица бизнеса (руководители крупнейших компаний) поддерживают регулярно и, как правило, не всегда публично контакты друг с другом и политическими лидерами (партийными руководителями, парламентариями, чиновниками высшего уровня и пр.). Говоря о роли бизнеса (представителях крупных корпораций) в публичной сфере, М. Юсим указывал на то, что для взаимодействия ими формируются, как правило, относительно сплоченные в рамках всей страны сети¹⁰. Одни члены такого «внутреннего круга» получают доступ к властным ресурсам, другие — к финансовым.

В литовском случае нельзя говорить о том, что властным группам периода верховенства Компартии противостояла монолитная, организованная контрэлита. Сами литовские исследо-

ватели указывают, что в этом отношении события в переломные 1989–1991 гг. в Литве не похожи на процессы в Венгрии или в Польше¹¹. «Саюдис» не был четко организованной политической силой, представляя из себя общественное объединение, которое вобрало в себя представителей различных социальных групп, многие из них имели отдаленное представление о государственном управлении, о политическом процессе.

Во главе первого посткоммунистического парламента Литвы оказались так называемые «политики морали». В период стремительных изменений, во время слома старой коммунистической системы управления именно философы, музыканты, актеры возносились на политический верх, в период *annus mirabilis* это было типично для многих государств. Спустя всего несколько лет такой же общей чертой стало и постепенное вытеснение «гуманитариев» из сферы практической политики: в одних случаях наблюдался их полный исход из высших эшелонов государственной власти, в других — перемещение на позиции (как правило, советников), которые позволяли «политиков морали» считать уже не прежними народными трибунами, а, скорее, политическими ремесленниками.

По данным литовской исследовательницы элит И. Матоните, в 1990–2008 гг. резко возросла доля депутатов, пришедших в политику из частного сектора (в советское время он формально не существовал). По итогам первых выборов 1990 г. каждый десятый депутат оказался представителем частного сектора (это еще не бизнесмены в современном понимании, а юристы из консалтинговых фирм, сотрудники частных предприятий в сфере производства, коммерции и оказания услуг). В 1996 г. (пик приватизации в Литве уже преодолен) представительство выходцев из экс-номенклатуры на руководящих должностях в экономике достигало 40%¹².

Таблица 1

Предыдущая занятость членов парламентской элиты до избрания в Сейм, %

Год	Учителя, преподаватели	Журналисты, писатели	Партийные бюрократы	Высокоранговые госслужащие	Свободные профессии	Юристы	Сельскохозяйственные работники, рыбаки	Неквалифицированные рабочие	Управленцы, предприниматели	Другое
1990	33,1	10,5	10,5	7,5	13,5	7,5	0,8	2,3	12,8	1,5
1992	36,9	8,5	9,9	6,4	9,9	2,8	0,7	0,5	18,4	1,4
1996	29,9	6,6	4,4	23,4	16,8	3,6	0	2,9	10,9	1,5
2000	17	4,3	6,4	18,4	7,1	1,4	0	1,4	43,3	0,7
2004	12,1	2,1	5	27	10,6	2,1	0	1,4	38,3	1,4
2008	12,8	2,8	6,4	30,5	1,4	3,5	0,7	2,1	27,0	0

Относительно мирный характер смены режимов на пространстве Центрально-Восточной Европы создал предпосылки для того, чтобы выходцы из властных кругов прежнего режима смогли без особых угроз для себя попытаться конвертировать политический капитал в экономические активы в новых условиях. Экс-номенклатура далеко не всегда реализовывала исключительно прозрачные схемы передачи государственных предприятий в частные руки, сформировав слой быстро обогащавшихся собственников-рантье¹³. Это является распространенным для посткоммунистических обществ, однако в случае Литвы количество сомнительных с точки зрения законности приватизационных сделок можно назвать не столь значительным.

И. Матоните, комментируя процесс формирования слоя «политических капиталистов» в Литве, выделяет еще отличительную особенность приватизации по сравнению с другими странами Балтии. Если в Латвии и Эстонии в силу специфической этнической композиции населения представители русских общин потеряли своих позиций в политической элите сумели в какой-то мере компенсировать путем конвертации политического капитала в экономический, возглавив

в ходе приватизации коммерческие предприятия, то в Литве таких изменений не произошло, так как «на позиции элиты был и оставался литовец»¹⁴.

Лишь после выборов 2000 г. присутствие предпринимателей в парламенте стало весомым — 39% (55 депутатов из 141). В 2004 г. их доля сократилась до 32%. По данным литовского исследователя, в отношении профессиональной занятости депутатов наблюдается свойственная большинству стран посткоммунистического пространства тенденция роста числа управленцев и предпринимателей среди парламентариев: 12,8% в 1990 г., 18,4% в 1992 г., 10,9% в 1996 г., затем рекордные 43,3% в 2000 г., и постепенный спад — 38,3% в 2004 г. и 27,8% в 2008 г. (табл. 1)¹⁵.

Высокая поляризация населения по экономическим основаниям, сопутствовавшая трансформации литовской социальной структуры, оказывала влияние как на характер политического процесса в целом в независимой Литве, так и на состав политической элиты: одним из основных критериев статусности становится уровень доходов.

Р. Алишаускене приводит данные динамики социальной дифференциации в 1988–1999 гг. (разница между средним доходом 10% неимущих граждан и 10%

обеспеченных): разрыв в доходах, составивший в 1988 г. 4,3 раза, уже в 1992 г. вырос до 11,5 раза, в 1995 г. — до 12,7, в 1999 г. составлял 10,4¹⁶. Именно в 1999 г. в Сейме Литвы были официально зарегистрированы первые 2 депутата-миллионера (состояние превышало 1 млн литов).

К 2004 г. количество тех, кто сумел конвертировать свой финансовый капитал в политический и попал в Сейм, выросло до 28 чел., к 2011 г. — до 37 чел. (т.е. каждый четвертый депутат Сейма оказался миллионером). Среди состоятельных парламентариев — представители основных партий: социал-демократы, консерваторы, «трудовики», либералы и прочие. В 2010–2011 гг. общее количество миллионеров в Литве, где средняя зарплата составляет около 2 тыс. литов, оценивалось на уровне 1 тыс. человек, из них свыше трети это представители именно публичного сектора¹⁷. На этом фоне возможности вертикальной мобильности литовских рабочих и крестьян крайне скромны. Своих наилучших результатов политической репрезентации они достигали в начальный период обретения Литвой независимости, когда каналы элитного рекрутирования были максимально открыты. Если в 1990 г. в Сейме насчитывалось 3,1% рабочих, крестьян и рыбаков, то в 2000 г. и 2004 г. — 1,4%, в 2008 г. — 2,8%.

Социальная структура парламентской элиты Литвы сильно отличается от социальной структуры страны. В частности, представленность некоторых социальных и профессиональных групп повышается, а других — понижается (например, среди парламентской элиты растет доля управленцев и предпринимателей и сокращается доля учителей и юристов, в то время как рабочие и крестьяне не имеют представительства в Сейме). На политической сцене появляется все больше управленцев и предпринимателей (эта тенденция может быть в будущем ограничена законодательством, так как предприниматели, а также вла-

дельцы и управляющие коммерческими структурами могут занимать место депутата только при отсутствии конфликта между частными и публичными интересами)¹⁸.

Анализируя профессиональный состав парламента Литовской Республики, можно отметить, что если в 1992 г. количество директоров предприятий среди депутатов едва превышало 18%, то в 2000 г. достигло своего пика — 43,3%, в дальнейшем постепенно снижаясь до 38,3% в 2004 г. и 27,8% в 2008 г. Аналогичную тенденцию фиксирует и эстонский исследователь В. Петтаи, который, проанализировав профессиональный состав кандидатов в депутаты Сейма Литвы в 1992, 1996 и 2000 гг., пришел к выводу, что если на начальном этапе становления независимости Литвы в политическую элиту могли попасть, скорее, «гуманитарии», то через десятилетие наибольший успех сопутствует директорам компаний и чиновникам¹⁹.

В этом смысле совершенно уместно справедливое замечание Ю. Левады о том, что изменения внутри групп элиты связаны и со сменой поколений, и со сменой стиля деятельности. Постепенно уходят, отодвигаются на второй план те люди, которым приходилось бороться с идеологической, бюрократической машиной советского времени, и при этом в период перемен выступать за демократические преобразования. На смену выдвигаются люди, не имевшие такой общественно-политической «школы», для которых их статусное и материальное возвышение связано с прагматическими обстоятельствами пореформенных лет²⁰.

Если же говорить о степени представленности бизнеса не только в Сейме, но в органах государственной власти Литвы в целом, то для предыдущих парламентских циклов установлена доля тех политических субъектов, которые до прихода в политическую структуру имели опыт работы в коммерческих структурах. Вполне логично, что до-

Таблица 2

Доля представителей бизнес-сообщества в политической элите Литовской Республики					
	1992–1996	1996–2000	2000–2004	2004–2008	2008–2012
Доля	2,7%	3,8%	11,5%	27,6%	32,4%
N	1	2	6	16	11

Источник: авторские расчеты²¹.

ля таких субъектов возрастает с каждым электоральным циклом, если принять во внимание, что в советский период, до провозглашения независимости подобный опыт приобрести было крайне затруднительно. К последнему из исследованных электоральных циклов (2008–2012 гг.) доля политических субъектов, обладающих бизнес-опытом, достигла трети от общего числа политических деятелей, что отражено в табл. 2.

Такой постепенный рост может быть объяснен не только тем, что возможность конвертации финансового капитала в капитал политический заинтересовала бизнес не сразу, но и структурным фактором. Накопление финансовых ресурсов, рост количества частных предприятий, а с ними и формирование групп состоятельных граждан, ищущих иное применение своим средствам, кроме как традиционное инвестирование, начался с середины 1990-х гг. — после реализации ваучерной приватизации, массового восстановления прав на землю и совершения крупных международных сделок, как, например, приобретение 65% акций Klaipeda Tobacco Company корпорацией Philip Morris в 1993 г.²² Быстрая ваучерная приватизация в конечном счете закончилась в довольно закрытых структурах — промышленных холдингах. В результате оформилось сильное влияние национального индустриального лобби на политику, что характерно в целом для трех стран Балтии²³. Если проводить разграничение по политическим структурам, то можно отметить, что опытом работы в коммерческих структурах во всех циклах обладают преимущественно представители либо правительства, либо

Сейма, причем доля их заметно варьируется в зависимости от цикла. Если в третьем и пятом цикле бывшие бизнесмены работали в основном в правительственных структурах, то в четвертом подавляющее их большинство заседало в Сейме.

Примером вхождения бизнеса во власть может служить опыт одного из богатейших людей Литвы, председателя Конфедерации промышленников Литвы и президента концерна Achema group Б. Лубиса, который в 1991–1992 гг. был вице-премьером, а в 1992–1993 гг. возглавлял правительство. Вплоть до своего ухода из жизни в октябре 2011 г. он обладал весьма высоким уровнем неформального влияния на политический процесс. Его концерн традиционно оказывался среди лидеров по финансовой поддержке политических партий.

В качестве другой иллюстрации того, каким влиянием способен пользоваться бизнесмен, являясь советником того или иного высшего должностного лица, можно назвать Ю. Казицкаса, одного из богатейших бизнесменов Литвы, большую часть своей жизни проведшего в США и имевшего статус советника премьер-министров Литвы К. Прунскаса, Г. Вагнорюса, А. Шляжявичюса, председателя Сейма В. Ландсбергиса, президента А. Бразаускаса. Считается, что именно Ю. Казицкас выступил в начале 1990-х гг. организатором личных встреч руководства Литвы с Дж. Бушем-старшим, М. Тэтчер, Ф. Миттераном, Г. Кодем, с многочисленными представителями западных бизнес-кругов топ-уровня, а также оказался посредником при совершении крупнейших сделок в Литве (например, по продаже *Mažeikių naf-*

та) с участием зарубежных компаний (в частности, он создал компанию Omnitel, которую возглавлял другой выходец из литовской диаспоры в Северной Америке — В. Груодис²⁴).

Роль бизнеса в политике можно оценить, опираясь не только на количественное присутствие выходцев из предпринимательского сообщества, но и на то, в какой мере бизнес задействован в поддержке той или иной политической силы. Партийная система Литвы находится в процессе становления, в стране действует более 40 партий, многие из которых появлялись и исчезали, оказываясь лишь временными популистскими проектами. О том, что бизнес в этом процессе играет заметную роль, говорит факт запрета с декабря 2011 г. юридическим лицам финансировать партии. Компаниями, оказавшими наибольшую по итогам 2011 г. финансовую помощь политическим партиям Литвы²⁵, стали: Achema group²⁶ (общая сумма перечислений — 414 тыс. литов), Arvi group²⁷ (общая сумма перечислений — 225 тыс. литов), MG Baltic²⁸ (общая сумма перечислений — 160 тыс. литов). Каждая из них инвестировала сразу в несколько различных партий.

Крупнейшие получатели финансовой помощи от Achema group: «Порядок и справедливость», «Христианская партия», «Союз Отечества», «Союз либералов-центристов», «Литовская народная партия». Achema выделила 117,4 тыс. литов в 2011 г., эти деньги получили «Порядок и справедливость» (42 тыс.), «Литовская народная партия» (30 тыс.), «Союз Отечества» (25 тыс.), Литовская социал-демократическая партия (20 тыс.). Концерном Achema group также было выделено 115 тыс. литов, из которых 40 тыс. получило Литовское движение зеленых, 35 тыс. — «Порядок и справедливость», 30 тыс. — «Союз либералов и центра», 10 тыс. — Литовская социал-демократическая партия. Компания Arvi sugar (входит в Arvi group) пожертво-

вала 133 тыс. литов, перечислив 61 тыс. Движению либералов, Литовской народной партии (42 тыс.), «Союзу Отечества» (30 тыс.). Компания Rietavo veterinarijos sanitarija, принадлежащая группе Arvi, перечислила 42 тыс. Литовской народной партии, 40 тыс. — Движению либералов Литвы, 10 тыс. литов — «Союзу Отечества». Компания MG Baltic Media в 2011 г. распределила 160 тыс. литов между различными партиями: 40 тыс. были переданы «Союзу Отечества» и «Порядку и справедливости», 35 тыс. — Литовский социально-демократический союз, 25 тыс. — Движению литовских зеленых, 20 тыс. — Союзу либералов и центра. Основными спонсорами Партии труда В. Успаских выступали, судя по открытым данным, подконтрольные ему компании — предприятия, входящие в пищевой концерн Vikonda, а также компании, в которых он имел долю в качестве акционера (например, Edvertiva). В политическом процессе участвует не только крупный бизнес Литвы, но и представителей малого и среднего бизнеса — например, у Социал-демократической партии Литвы, по данным на 2011 г., среди жертвователей значились около 40 юридических и физических лиц, которые перевели различные суммы от 200 до 40 тыс. литов.

К настоящему моменту можно отметить, что крупный бизнес, желающий реализовать свои интересы через политические рычаги, постепенно отказывается от личного присутствия во власти, предпочитая действовать через своих представителей (например, через депутатов Сейма либо советников высших должностных лиц). Используя различные лоббистские практики в рамках «внутреннего круга», бизнес имеет возможности влияния на политический процесс, оставаясь в то же время за кадром принятия ключевых решений и не неся за них политической ответственности. Несмотря на юридические ограничения, бизнес-сообщество в Литве продолжает играть заметную роль в политическом процессе.

Список литературы

1. Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира / Ч. Линдблом. М. : Институт комплексных стратегических исследований, 2005. [Lindblom Ch. Politika i rynki. Politiko-ekonomicheskie sistemy mira. М. : Institut kompleksnyh strategicheskii issledovani, 2005.]
2. Тев Д.Б. Структурная власть бизнеса: некоторые проблемы концептуализации и исследования / Российские властные институты и элиты в трансформации : материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / отв. ред. А.В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2011. [Tev D.B. Strukturnaya vlast' biznesa: nekotorye problemy konceptualizacii i issledovaniya / Rossiiskie vlastnye instituty i elity v transformacii: Materialy vos'mogo Vserossiiskogo seminaru «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v usloviyah rossiiskoi transformacii» / Otv. red. Duka A.V. SPb.: Intersocis, 2011.]
3. Самонис В. Трансформация Литовской экономики: от Москвы к Вильнюсу и от плана к рынку. Варшава: Центр социально-экономических исследований, 1995. [Samonis V. Transformaciya Litovskoi ekonomiki: ot Moskvы k Vil'nyusu i ot plana k rynku. Varshava: Centr social'no-ekonomicheskikh issledovani, 1995.]
4. Матоните И. Парламентская элита в посткоммунистической Литве (1990–2012 гг.) / Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. [Matonite I. Parlamentskaya elita v postkommunisticheskoi Litve (1990–2012 gg.) / Politicheskie elity v staryh i novyh demokratiyah / pod red. O.V. Gaman-Golutvinoi, A.P. Klemesheva. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2012.]
5. Левада Ю.А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. [Levada Yu.A. Elitarnye struktury v sovetской i postsovetской situacii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2007. № 6.]
6. Шкаратан О.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. [Shkaratan O.I. Social'naya stratifikaciya Rossii i Vostochnoi Evropy: sravnitel'nyi analiz. М. : Izd. dom GU VShE, 2006.]
7. Agh A. The Politics of Central Europe. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998.
8. Wasilewski J., Wnuk-Lipinski E. Poland: Winding road from the Communist to the post-Solidarity elite // Theory and Society. Vol. 24. 1995.
9. Hankiss E. East European Alternatives. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 319; Hankiss E. Reforms and the Conversion of Power // Upheaval against the Plan: Eastern Europe on the Eve of the Storm / Ed. by Weilemann P., Brunner G., Tokes R. Oxford: Berg, 1991.
10. Staniszki J. The Dynamics of the Breakthrough in Eastern Europe: The Polish Experience. Berkley: University of California Press, 1991.
11. Vogel D. Political Science and the Study of Corporate Power: A Dissent from the New Conventional Wisdom // British Journal of Political Science. 1987. Vol. 17. № 4.
12. Useem M. The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the U.S. and U.K. New York, Oxford University Press, 1984. 246 pp.
13. Matonyte I., Mink G. From Nomenklatura to Competitive Elites: Communist and Post-Communist elites // Berglund S., Duvold K. Baltic democracy at the crossroads an elite perspective. Kristiansand : H yskoleforl, 2003. P. 37–57.
14. Matonyte I. Parliamentary Elite in Post-Communist Lithuania (1990–2012) / Political elites in old and new democracies / O. Gaman-Golutvina, A. Klemeshev (eds.). Kaliningrad: IKBFU Publishing House, 2012.
15. Norgaard O. Studies of Communism in Transition. The Baltic States after Independence. Cheltenham, Edward Elgar, 1995.
16. Girnius S. Lithuanian Politics Seven Months after the Elections // RFE/RL Research Report, 1993. Vol. 2. № 27.
17. Alisaukiene R. Politines nuostatos ir rinkimai Lietuvoje // Politologija. 2000. № 2 (18).
18. Pettai V. The Consolidation of the Political Class in the Baltic States / Paper presented at the 4th General Conference of the European Consortium for Political Research September 7-9, 2007, Pisa, Italy. URL: <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/generalconference/pisa/papers/PP1103.pdf> (электронный ресурс: 25.12.2011 г.).
19. Terk E., Reid A. From state-owned enterprises to innovation-based entrepreneurship: a comparison of the Baltic states / Estonian Human Development Report. Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On. 2010/2011. Eesti Koostöö Kogu. Tallinn: AS Printon Trükikoda 2011.

- ¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ 13-03-00415 «Формирование парламентской элиты стран Балтии после 1990 г.: ключевые факторы и акторы».
- ² Термин ввел венгерский ученый Атила Адь, см. подробнее: Agh A. *The Politics of Central Europe*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998.
- ³ Wasilewski J., Wnuk-Lipinski E. Poland: Winding road from the Communist to the post-Solidarity elite // *Theory and Society*. Vol. 24. 1995. P. 689.
- ⁴ Hankiss E. *East European Alternatives*. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 319; Hankiss E. *Reforms and the Conversion of Power // Upheaval against the Plan: Eastern Europe on the Eve of the Storm* / Ed. by Weilemann P., Brunner G., Tokes R. Oxford: Berg, 1991. P. 27–39.
- ⁵ Staniszki J. *The Dynamics of the Breakthrough in Eastern Europe: The Polish Experience*. Berkley: University of California Press, 1991. P. 303.
- ⁶ Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2005. С. 190–209.
- ⁷ Vogel D. *Political Science and the Study of Corporate Power: A Dissent from the New Conventional Wisdom* // *British Journal of Political Science*. 1987. Vol. 17. № 4. P. 408.
- ⁸ Тев Д.Б. Структурная власть бизнеса: некоторые проблемы концептуализации и исследования / Российские властные институты и элиты в трансформации : материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / отв. ред. А.В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2011. С. 71.
- ⁹ См. подробнее: Useem M. *The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the U.S. and U.K.* New York, Oxford University Press, 1984. 246 pp.
- ¹⁰ Useem M. The Inner Group of the American Capitalist Class // *Social Problems*. 1978. Vol. 25, No. 3 (Feb., 1978). P. 238.
- ¹¹ Matonyte I., Mink G. From Nomenclatura to Competitive Elites: Communist and Post-Communist elites // Berglund S., Duvold K. *Baltic democracy at the crossroads an elite perspective*. Kristiansand : H yskoleforl, 2003. P. 37–57.
- ¹² Matonyte I. *Posovietinio elito labirintai (Labyrinths of the post soviet elites)*. Vilnius, Knygiai. 2001.
- ¹³ Norgaard O. *Studies of Communism in Transition. The Baltic States after Independence*. Cheltenham, Edward Elgar, 1995; Girnius S. *Lithuanian Politics Seven Months after the Elections* // RFE/RL Research Report, 1993. Vol. 2. № 27. P. 16–21; Самонис В. Трансформация Литовской экономики: от Москвы к Вильнюсу и от плана к рынку. Варшава: Центр социально-экономических исследований, 1995.
- ¹⁴ Matonyte I. *Posovietinio elito labirintai (Labyrinths of the post soviet elites)*. Vilnius: Knygiai, 2001. P. 178–179.
- ¹⁵ Matonyte I. *Parliamentary Elite in Post-Communist Lithuania (1990–2012) / Political elites in old and new democracies* / O. Gaman-Golutvina, A. Klemeshev (eds.). Kaliningrad: IKBFU Publishing House, 2012. P. 403.
- ¹⁶ Alisauskiene R. *Politines nuostatos ir rinkimai Lietuvoje* // *Politologija*. 2000. № 2 (18). P. 15.
- ¹⁷ По данным Valstybės žinios в 2010–2011 гг. Электронный ресурс. URL: www.valstybes-zinios.lt (дата обращения: 30.12.2011 г.). Необходимо добавить, что, по данным литовского издания IQ, Литва является лидером по числу миллионеров среди стран Балтии: в Литве по состоянию на 2011 г. проживали 29 миллионеров, 12 — в Эстонии, 9 — в Латвии. В первой тройке наиболее богатых жителей стран Балтии значились именно литовские бизнесмены — Н. Нумавичюс (группа Vilniaus prekyba, 1,8 млрд литов), Б. Лубис (концерн Achemos group, 1,35 млрд литов), Д. Моцкус (концерн MG Baltic, 1 млрд литов).
- ¹⁸ Матоните И. Парламентская элита в посткоммунистической Литве (1990–2012 гг.) / Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 167–168.
- ¹⁹ Pettai V. *The Consolidation of the Political Class in the Baltic States* / Paper presented at the 4th General Conference of the European Consortium for Political Research September 7-9, 2007, Pisa, Italy. URL: <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/generalconference/pisa/papers/PP1103.pdf> (Электронный ресурс: 25.12.2011 г.).
- ²⁰ Левада Ю.А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 14.
- ²¹ Эмпирической основой расчетов послужил массив биографических данных 234 представителей литовской политической элиты, сформированный автором по итогам анализа карьерных траекторий ключевых политических деятелей постсоветской Литвы. Массив данных формировался на основе введения критериев релевантности с целью выявления способных влиять на принятие ключевых политических решений представителей элитных групп. Объект анализа составили:

президент, премьер-министр, председатель Сейма Литвы и их заместители, советники, члены кабинета министров (удержавшиеся в должности не менее 1 года), лидеры релевантных политических партий, представители парламентского корпуса (депутаты, избравшиеся в Сейм не менее двух раз).

- ²² Шкаратан О.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 351.
- ²³ Terk E., Reid A. From state-owned enterprises to innovation-based entrepreneurship: a comparison of the Baltic states / Estonian Human Development Report. Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On. 2010/2011. Eesti Koost Kogu. Tallinn: AS Printon Tr kikoda 2011. P. 34.
- ²⁴ В 1998 г. компания Omnitel перешла под контроль консорциума из трех компаний: Motorola (США), Telia (Швеция) и Sonera (Финляндия). В том же году под контроль Telia и Sonera перешла другая литовская телекоммуникационная компания — Lietuvos Telekomas.
- ²⁵ Составлено по результатам анализа открытых источников: отчетов партий, данных ЦИК Литвы, СМИ.
- ²⁶ Один из крупнейших в Литве концернов химических удобрений. Концерну принадлежит более 50 предприятий различного профиля (в том числе СМИ) в Литве и за рубежом с годовым оборотом свыше 2 млрд долл.
- ²⁷ Группа компаний Arvi group объединяет более 20 предприятий сельского хозяйства и пищевой промышленности. В ряде регионов России действуют заводы по выпуску продукции из птицы. Группа компаний принадлежит В. Кучинскому. Летом 2013 г. за слишком тесное взаимодействие с концерном Arvi осуждению со стороны президента Литвы Д. Грибаускайте за «конфликт интересов» подверглась министр экономики Б. Весайте, которой в итоге пришлось со скандалом покинуть этот пост.
- ²⁸ Концерн, занятый в оптовой и розничной торговле, логистике, производстве, девелоперских проектах и коммуникациях, принадлежит Д. Моцкусу, одному из богатейших бизнесменов стран Балтии. В концерн входят, в частности, СМИ: телеканалы LNK и Baltijos TV.